

— Если не умеешь играть, проваливай отсюда к чертовой матери!

Едва эти слова прозвучали, испуганный юноша-омега, съездившийся на диване, рухнул на пол. Сидевший рядом Се Цзюнь нахмурился.

Режиссер, вне себя от ярости, подскочил к омеге и схватил его за шиворот:

— Мне плевать, какой покровитель стоит за твоей спиной! Не умеешь играть — вали вон!

Режиссер был мужчиной средних лет, бетой, но силы у него было куда больше, чем у омеги. Он толкнул парня, и тот упал, ударившись красивым личиком об пол, и зарыдал, закрыв лицо руками.

Выплеснув гнев, режиссер все еще не успокоился. Его взгляд метнулся к дивану, где спокойно сидел мужчина.

Черты лица этого мужчины были тонкими и благородными, но сейчас в них проступила мягкость. Особенно после сцены с поцелуем — его губы, покрасневшие и припухшие, казались вызывающе соблазнительными, а подернутые дымкой светлые глаза, казалось, невольно искушали каждого...

Не говоря уже о том, что вырез халата открывал ключицы, приковывая взгляды всей съемочной группы.

Режиссер тряхнул головой, снова посмотрев на мужчину. В груди что-то екнуло.

Черт возьми, это ведь альфа! А он чуть было не принял его за омегу.

— Се Цзюнь, иди отдохни, — Сун Цюань махнул рукой, стараясь не смотреть в ту сторону.

Стоявший рядом пронизательный помощник режиссера поспешил вмешаться:

— Режиссер Сун, остыньте...

Помощник бросил осторожный взгляд на мужчину, который уже лениво поднялся с дивана, и прошептал Сун Цюаню на ухо:

— Неважно, стоит ли того покровитель этого омеги... но вы должны понимать... — он незаметно указал на мужчину, направлявшегося в гримерку, — вот его... его покровителя лучше не злить.

Сун Цюань был режиссером национального уровня, одним из лучших на Имперской звезде. Актеры, мечтавшие с ним поработать, заискивали перед ним. Даже те, кого пропихнули покровители, не смели ему перечить. Он снимал кино уже тридцать лет и никого не боялся! Сейчас, будучи в ярости, он лишь раздраженно отмахнулся от совета помощника.

Сун Цюань оттолкнул помощника и злобно буркнул:

— Мне плевать, кто его покровитель! Если не умеет играть, вылетит отсюда так же, как и этот!
— он указал на красивого парня, который все еще плакал на полу.

Мальчик широко раскрыл глаза, глядя, как Сун Цюань собирается уходить. Он пополз следом, умоляя дрожащим голосом:

— Режиссер Сун! Режиссер Сун, умоляю, дайте мне еще один шанс!

— Режиссер Сун!

Мальчик бежал слишком поспешно, запутался ногой в проводах съемочного оборудования.

— А!

Это падение вызвало лишь новую волну криков.

В комнате отдыха.

Ван Сяоцзин, держа в руках термосумку с обедом, толкнул дверь гримерки и зацокал языком:

— Ц-ц-ц...

Он поставил сумку перед мужчиной, который сидел с закрытыми глазами, и принялся сплетничать:

— А-Цзюнь, снаружи сейчас настоящий хаос! Я стоял и просто не мог поверить своим глазам, это даже похлеще того, что пишут в горячих новостях... Слушай...

Ван Сяоцзин наклонился к мужчине, чтобы продолжить светскую беседу:

— Твой партнер-омега разнес всю аппаратуру... — он вошел во вкус, но, заметив, что мужчина не открывает глаз, просто толкнул его в плечо.

От толчка мужчина качнулся и, чтобы не упасть, ухватился за стул.

Се Цзюнь открыл свои светлые глаза и посмотрел на Ван Сяоцзина так, что у того по спине пробежал холодок:

— Что... ты решил убить своего кузена? — Ван Сяоцзин поспешно отступил на два шага.

Не дождавшись угрозы, мужчина вдруг сполз со стула, его тонкие пальцы судорожно вцепились в край стола... Его бледное лицо залил румянец, переходящий на шею, он

полулежал, опираясь на туалетный столик, а тонкая рубашка прилипла к пояснице от выступившего пота...

Се Цзюнь, который все это время притворялся альфой и имел толпы поклонниц, на самом деле был омегой.

Среди всех вторичных признаков его тип был предназначен для деторождения. Из-за редкости таких омег их период уязвимости всегда сопровождался особенно притягательными проявлениями.

Ван Сяоцзин сглотнул.

— Кузен... ты чего... — хорошо, что он сам был омегой, иначе сейчас точно не смог бы сдержаться.

Мужчина, прислонившись к углу шкафа, повернул голову, ища прохлады.

Его волосы, уложенные в строгую прическу альфы, растрепались и упали на лоб. Мужчина с трудом приоткрыл свои томные глаза, сжал длинные ноги и сделал несколько прерывистых вдохов...

— Сяоцзин... дай мне ингибитор... — его голос звучал глухо и надрывно.

Ван Сяоцзин торопливо перерыл всю сумку, наконец выудил ампулу и вколол ее в кожу Се Цзюня, где уже виднелись следы от предыдущих уколов.

Он пробормотал:

— Разве ты не колол его утром? В последнее время приступы стали совсем невыносимыми.

Благодаря лекарству Се Цзюнь постепенно пришел в себя. Он все еще сидел на полу, погруженный в свои мысли, чем перепугал Ван Сяоцзина:

— Кузен... не пугай меня... ты что...

— Ты меня толкнул? — Се Цзюнь прищурился, возвращаясь к обычному состоянию и готовясь сводить счеты.

Ван Сяоцзин осторожно помог ему подняться:

— Кузен, поешь... не вреди желудку.

Се Цзюнь сменил выражение лица и насмешливо посмотрел на кузена:

— О? Вредить желудку?

Ван Сяоцзин закивал:

— Конечно! Это тушеная говядина с картофелем и суп из свиных ребрышек с кукурузой, я сам следил за приготовлением в звездном отеле! Летел обратно на скорости восемьсот! — он открыл термосумку и крышку контейнера. Ароматная говядина выглядела аппетитно, и он сам невольно сглотнул слюну.

— Остыло. Не хочу.

Се Цзюнь потер запястье, мельком взглянул на еду и почувствовал лишь тошноту. Он не завтракал, но есть все равно не мог.

Ван Сяоцзин не расстроился, что кузен не ест, наоборот — он обрадовался, что сможет доесть все сам!

Он притворно вздохнул, как подобает верному ассистенту:

— Ну съешь хоть немного, посмотри, как ты похудел. Твой маленький покровитель не любит, когда в партнере одни кости... — он поспешно прикрыл рот рукой.

Сказал лишнее.

Се Цзюнь взял контейнер.

Хлоп!

И выбросил в мусорное ведро.

На его губах заиграла презрительная улыбка:

— Ей как раз нравятся мои кости. — В его голосе сквозило упрямство.

Внутри все же кипела обида.

Кости... Се Цзюнь считал себя редким сокровищем во всей галактике, а та женщина... купила ему виллу, устроила на главную роль в крупном проекте, каждый месяц исправно переводит триста тысяч звездных кредитов...

Но ни разу не пришла к нему!

Чем больше он думал, тем сильнее его охватывала ярость... это было оскорбление...

Она знала, что он скрывает свой истинный пол, но при этом оставалась невозмутимой... Эта женщина просто...

— ...вырастила себе собачку, — вставил Ван Сяоцзин, не отрываясь от новостей в телефоне.

На него тут же устремился ледяной взгляд персиковых глаз Се Цзюня!

— Вычту из зарплаты, — отрезал тот.

— А-а-а-а! Кузен! — Ван Сяоцзин бросился к нему в ноги, заливаясь слезами. — У меня и так в этом месяце половину зарплаты сняли!

В голове Се Цзюнь эхом отдавались слова Ван Сяоцзина: Вырастила собачку... вырастила собачку... Его брови сошлись на переносице, желудок скрутило от спазмов...

— Заткнись, — процедил он с нескрываемой досадой.

Когда Ван Сяоцзин поднялся с пола, он с опаской поглядывал на мужчину: бледная кожа, ярко-красные губы, глубокий, пронзительный взгляд — то ли насмешливый, то ли пустой.

Снова... снова у него плохое настроение...

Но, вспомнив, что кузен, хоть и скупой, всегда дает щедрые годовые бонусы, Ван Сяоцзин услужливо улыбнулся:

— Кузен, хочешь воды?

Се Цзюнь взял стакан, сделал глоток, и его прошибло холодом до самых костей, а в животе снова зажгло. Он нахмурился:

— Что ты туда добавил? Странный вкус.

— Да ничего, — Ван Сяоцзин попробовал воду из стакана. — Это обычная вода.

Ван Сяоцзин вздохнул и протянул стакан обратно:

— Кузен... ты в последнее время стал таким странным... — он почесал затылок. — Таким чувствительным...

Се Цзюнь не успел ответить — дверь распахнулась.

Появился помощник режиссера, расплываясь в улыбке:

— Мастер Се Цзюнь, готовимся ко второму дублю третьей сцены... — он добавил с загадочной ухмылкой: — Кстати... сегодня инвестор приехал на площадку.

Слово Инвестор Се Цзюнь расслышал отчетливо. Он сжал запястья и кивнул, сохраняя маску альфы.

Так и знал.

Все еще...

Помнит обо мне.

— Я так тебя люблю! Почему ты не позволяешь мне пометить тебя! — красивый мужчина схватил юношу за руки, его брови слегка нахмурились. Мимика была безупречной, на экране он выглядел идеально.

Даже Сун Цюань не мог не признать: красота действительно добавляет симпатии.

На экране: юноша медленно ронял слезы, они скапливались в уголках глаз, придавая ему жалкий вид, он подался вперед к мужчине...

— Снято! — прокричал Сун Цюань.

Он вскочил и бросился на площадку, указывая пальцем на Се Цзюня:

— Он к тебе тянется, почему ты отстраняешься?!

— У него сопли потекли, — спокойно ответил мужчина.

Съемочная группа не сдержала смешка.

Юноша застыл на месте. Он был омегой, прославившимся в индустрии своим чистым образом, и не мог поверить в услышанное.

Он разрыдался, и эта сцена была прервана.

Сун Цюань взглянул на юношу, подавил гнев и сказал Се Цзюню:

— Я не давал команды Стоп, продолжай играть! Кто здесь режиссер, ты или я?

Се Цзюнь покачал головой, сложил руки на груди и, постукивая пальцами по плечу, объяснил:

— Он играет не в характере персонажа.

Сун Цюань был в ярости, но мужчина продолжал:

— Омега в этой роли хитер, он не будет плакать так прямолинейно.

Сун Цюань задумался и бросил взгляд на Се Цзюня:

— Тогда покажи мне, как надо плакать?

Режиссер подозревал, что этот альфа просто ищет неприятностей. Откуда альфе знать, как проявляются омежки черты, неужели он знает лучше режиссера?!

Се Цзюнь кивнул.

— С удовольствием.

Се Цзюнь согласился лишь потому, что заметил приближающуюся фигуру — женщину в коричневом плаще, от которой веяло спокойствием и интеллигентностью.

Мужчина невольно отвлекся, сжимая в руках стеклянный стакан.

— Вэнь Цзюэ, раз уж инвестировала в проект, не забывай иногда заглядывать с инспекцией, — произнесла женщина в дорогом костюме, которая с самого прихода привлекала внимание всех беты и омег.

Если ей кто-то приглядывался, она тут же вручала визитку, чтобы провести ночь вместе.

Женщина обернулась к своей подруге Вэнь Цзюэ:

— Слышала, после прошлого банкета ты взяла под опеку артиста. А я-то думала, что тебя, такую неприступную, соблазнил какой-нибудь нежный омега... — она покачала головой. — Ц-ц-ц... еще совсем зеленый.

У Вэнь Цзюэ были спокойные миндалевидные глаза, а взгляд излучал вежливость. Она держалась с людьми на расстоянии, не слишком близко, но и не холодно.

— Я просто несу ответственность, — ответила она.

Женщина рассмеялась и махнула рукой:

— В этом шоу-бизнесе все ищут покровителя. Когда им весело, они покупают одежду от кутюр, лимитированные вещи, ресурсы... Как же так... — она приблизилась к Вэнь Цзюэ и подмигнула. — Неужели настоящие чувства?

Вэнь Цзюэ покачала головой и равнодушно оглядела площадку.

— Я никого не метю, ты же знаешь.

Женщине стало скучно, она махнула рукой:

— Пошли скорее, я позвала тебя, чтобы ты поддержала мою новую игрушку.

Вэнь Цзюэ не стала отказываться. Она считала, что обычное общение — это нормально, просто у каждого свой выбор.

Женщина болтала без умолку:

— Мой новый омега такой нежный, просто персик. Красивый, плачет так жалобно, что просто невозможно устоять...

— Эй, сходи как-нибудь на площадку к своему омеге, ты же за него отвечаешь...

Вэнь Цзюэ лишь слабо улыбнулась, не отвечая.

Она сама не была уверена насчет того человека, да и не очень-то хотела его видеть.

Чем ближе они подходили, тем отчетливее становились голоса на площадке.

— Отпусти меня! — голос мужчины начал срываться на всхлипы, звуча мягко и тягуче.

Вэнь Цзюэ слегка нахмурилась и посмотрела в сторону звука.

Се Цзюнь уже начал демонстрировать, как должен плакать омега.

— Отпусти... — мужчина бессильно отступил... покачал головой, опустил взгляд, его плечи мелко дрожали. — Ты так долго не приходил, а теперь хочешь все вернуть? — он так убедительно передал обиду, что даже Сун Цюань на мониторе не мог не восхититься.

На экране: мужчина поднял голову, его бледное лицо утратило жесткие черты альфы, взгляд светлых глаз стал чистым и невинным, а в уголках глаз застыли слезы...

— Кем... кем ты меня считаешь... — мужчина чуть наклонил голову, прикрыл глаза, и слезы покатались по его лицу, оставляя дорожки.

Одна из них упала на ключицу.

Вэнь Цзюэ смотрела на экран, ее выражение лица оставалось спокойным и вежливым, без радости или печали.

Но ее взгляд немного изменился, она почувствовала себя неловко.

В этот момент партнер-омега внезапно влепил ему пощечину!

Тишина. Мертвая тишина.

Хотя в актерской игре всякое бывает, это явно была мелкая месть из индустрии развлечений!

Се Цзюнь принял удар, на его бледной щеке остался след, тело содрогнулось, словно из него вынули душу.

Он без предупреждения рухнул на пол!

Бессилие, прикушенная губа, чтобы скрыть стоны... Особенно когда омега-юноша, притворно извиняясь, приблизился к нему — запах его феромонов заставил Се Цзюня нахмуриться.

Се Цзюнь внезапно вспомнил одно слово.

Отторжение.

Работая артистом, он часто играл с популярными омегами, и когда те приближались, источая свои приторные ароматы, Се Цзюня тошнило. Сейчас его тоже тошнило...

Тошнило от неприятия чужих феромонов.

На площадке было немало альф, и если бы его феромоны омеги в период уязвимости вырвались наружу, он не только лишился бы репутации, его бы разорвали на части...

Женщина подошла ближе. Она была интеллигентной альфой, от которой хотелось держаться поближе.

Се Цзюнь знал: она делает это не из любви к нему, а из вежливости, зная о его омежьей природе, она не бросит его в беде.

— Я отведу господина Се Цзюня в комнату отдыха, — стоило Вэнь Цзюэ заговорить, как все вокруг тут же переключились на сплетни!

— Это глава Управления из военной семьи?

— Да, она управляет финансовыми потоками между армией и частными лицами, в своем юном возрасте она уже полностью унаследовала способности своей крови.

— О... тогда она...

— Боже! Госпожа Вэнь Цзюэ ведь альфа... Как она... как она держит Се Цзюня... это...

— Вот это поворот! Се Цзюнь на самом деле... А я думал, ему нравятся мягкие омеги...

Вэнь Цзюэ не хотела поднимать мужчину на глазах у всех, но знала... этот омега в течке.

Ее спина была прямой, от нее исходило чувство безопасности. Вэнь Цзюэ не была чопорной, просто ее вежливое выражение лица заставляло людей думать, что она — неприкасаемая бодхисаттва, запретный бог, к которому обращаются с молитвами даже в праздники.

Мужчина бессильно прижался к ней, потерся о ее плечо и прошептал так, чтобы слышала только она:

— Мне плохо...

Рука Вэнь Цзюэ, обнимавшая его за талию, дрогнула. Она поддержала его запястьем, стараясь не касаться голой кожи.

— Господин Се Цзюнь, мы почти пришли. — Вэнь Цзюэ было двадцать пять, и она проявляла удивительное терпение к выходкам мужчины.

Она усадила его на диван в комнате отдыха, посмотрела на его покрасневшее лицо и, без тени смущения, прямо спросила:

— Вам нужна вода, господин?

Се Цзюнь вцепился в край ее одежды, не отпуская, тяжело дыша на диване, и с усмешкой посмотрел на нее.

— Разве вы не знаете, что мне нужно?

Знает, но все равно заставляет его просить.

Пришла на площадку, а сама строит из себя святошу.

Вэнь Цзюэ убрала его руку и покачала головой.

Се Цзюнь почувствовал раздражение. Желудок снова скрутило спазмом, он оттолкнул Вэнь Цзюэ и бросился в уборную.

Его долго тошнило.

Он опирался на край раковины, глядя на свое отражение в зеркале, и тяжело дышал...

Мужчина внимательно изучал себя.

Он начал карьеру в семнадцать, стал популярен в двадцать, постепенно превратившись в звезду... Но перед лицом бесконечного потока новых кумиров... даже если в двадцать девять он притворяется альфой, чтобы продлить карьеру, скоро он станет неактуален...

— Уа!

Он почти ничего не ел, поэтому сейчас его мутило, ноги подкашивались.

Он чуть не упал.

Чья-то рука подхватила его за поясницу, удерживая.

Ему протянули стакан теплой воды.

— Спасибо. — Губы Се Цзюня, раньше ярко-красные, теперь побледнели, остался лишь слабый розовый оттенок.

Как только он коснулся краем стакана губ, его мозг отключился.

Он повернулся к женщине, сел на край раковины и, пока Вэнь Цзюэ не успела среагировать, притянул ее к себе, обхватив за талию длинными ногами. Поза была крайне двусмысленной.

Вэнь Цзюэ, обычно такая правильная, напряглась, и даже кончики ее ушей слегка порозовели.

Мужчина замер, его томные глаза расширились.

Вдруг!

Твердо и с надрывом в голосе, он произнес:

— Я... беременен.

<http://bllate.org/book/21233/2148326>